

**Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 8

**Санкт-Петербург
2009**

Ю.Б. Циркин

Император Деций: попытка возрождения Рима

Самыми яркими, бросающимися в глаза чертами так называемой «военной анархии» были варварские вторжения и многочисленные узурпации, приводившие к почти бесконечным гражданским войнам. Императоры пытались различным образом найти пути выхода из создавшегося положения, повернуть вспять тенденцию разрушения, возродить былую мощь Римской империи. Императору Децию казалось, что он нашел этот путь.

Г. Мессий Квинт Деций пришел к власти в результате свержения и убийства своего предшественника Филиппа Араба и его сына Филиппа II. 16 октября 249 г. датируется первая конституция Деция (С. J. 10, 16, 3). Она относилась к обложению налогами не личности, а имущества и явно регулировала налогообложение во всей Империи. Можно думать, что к 16 октября Деций был уже признан в Риме. В этом месяце (а, может быть, еще и в сентябре) появляются первые монеты с именем нового императора, но некоторые из них задним числом датируются июнем¹. Самые ранние известные нам папирусы, датированные правлением Деция, появляются в ноябре того же года². После утверждения у власти Деция начал проводить в жизнь программу выхода из тяжелой ситуации, в какой находилась Империя. Судя по тому, что отдельные элементы этой программы начали воплощаться в политику уже вскоре после признания Деция императором, сама программа была продумана заранее.

Императоры всегда придавали большое значение налоговой сфере. И Деций занялся ею сразу же после прихода к власти. Недаром первая известная нам конституция Деция касалась именно налогов. Был отменен и ряд аспектов налоговой реформы Филип-

¹ Wittig, Messius // RE. 1931. Hbd. 29. Sp. 1263-1264.

² Dušanić S. The End of Philippi // Chiron. 1976. Bd. 6. P. 431.

па в Египте, где снова вернулись к северовскому законодательству³. В конце правления Филиппа на востоке, вероятнее всего, в Сирии произошло восстание Иотапиана, который даже провозгласил себя императором. Филипп не сумел справиться с этим выступлением, но после его смерти солдаты Иотапиана сами убили его и преподнесли его голову новому императору (Aug. Vict. Caes. 29, 2). Причиной (или одной из причин) этого восстания было недовольство жесткой налоговой политикой брата Филиппа Приска, который являлся его наместником на Востоке (Zos. I, 20, 2). Возможно, именно отмена Децием налоговой реформы Филиппа и привела к изменению настроения сторонников Иотапиана. Недаром Деция прославляют как восстановителя свободы (*restitutor libertatis*)⁴. Учитывая сложность ситуации на Востоке и обращение Деция к налоговым проблемам в самом начале своего правления, можно говорить, что этот шаг был им продуман еще до того, как он занял трон.

Чрезвычайно важным для Деция был религиозно-идеологический аспект своей программы. Деций происходил из деревни близ Сирмия, где род Мессиев или Мессиев Квинтов осел уже давно⁵. Но будущий император поддерживал активные связи с Италией, особенно с Этрурией, откуда происходила его жена Геренния Купрессения Этрусцилла⁶. Карьера Деция была типично сенаторской. Уникальным было, пожалуй, то, что впервые таких высоких постов (а в конечном итоге и трона) достиг выходец из дунайского региона⁷. Уроженцы провинций или их потомки уже становились императорами, и первым из них был Траян. Однако их родиной были провинции, уже достигшие довольно высокого уровня романизации. Паннония же находилась еще очень далеко от такого уровня. Однако рассматривать Деция как представителя провинциальной знати едва ли возможно. Став сенатором и пройдя ряд сенаторских должностей, увенчанный постом префекта Города, он выступал деяте-

³ Bianchi A. Aspetti della politica economico-fiscale di Filippo l'Arabo // *Aegyptus*. 1983. An. 63. P. 196-197.

⁴ Bianchi A. Aspetti... P. 197.

⁵ Wittig. *Messius*. Sp. 1251-1252; Dietz K. *Senatus contra principem*. München, 1980. S. 190; Rives J. B. *The Decree of Decius and the Religion of Empire* // *JRS*. 1999. Vol. 89. P. 139-139.

⁶ Wittig. *Messius*. Sp. 1248-1250; Syme R. *Emperors and Biography*. Oxford, 1971. P. 197.

⁷ Syme R. *Emperors...* P. 196.

лем традиционного римского типа, типичным сенатором со всеми положительными и отрицательными чертами, свойственными сенаторскому сословию, в том числе подчеркнутым традиционализмом⁸. Когда-то Цицерон в своей речи «Об ответах гаруспиков» (IX, 19) сформулировал причины римских побед: римляне превзошли все народы благочестием, почитанием богов и знанием, что всем руководят боги. Идеальный римский сенатор оставался в этой уверенности и в своем высоком предназначении и при Империи⁹. По словам Зенона (I, 21, 1), Деций выдавался родом и достоинствами (γένει προέχων καὶ ἀξιώματι). В некоторой степени это сообщение перекликается с утверждением в речи Пупиена, как ее передал Геродиан (VIII, 7, 4-6), что императоры избираются из-за их благородного происхождения и военных подвигов. Эта речь была фактически программой идеального сенатского правительства. И Деций теперь выдвинул тот же идеал «хорошего императора».

Одной из характерных черт римского религиозного сознания было представление о рах *deorum* – божьем мире: римляне чтят своих богов в полном соответствии с традиционными ритуалами, включая, естественно и жертвоприношения, а боги не только покровительствуют Риму, но и гарантируют ему (по крайней мере, в будущем) власть над всей вселенной. Нарушение людьми этого мира ведет к катастрофическим последствиям – ужасным поражениям, грозящим самому существованию Города, как это было, например, во время войны с Ганнибалом, когда лишь экстренные меры привели к исправлению положения¹⁰. Но тяжелое положение сложилось и к моменту прихода к власти Деция. Сама огромная трудность, с какой римская армия справлялась с нападениями варваров, явно свидетельствовала о приближении катастрофы. Для Деция и его сподвижников причина была ясна: как и во время II Пунической войны, нарушен божий мир¹¹.

Нарушение божьего мира, в частности, выразилось в пренебрежении традиционными богами. И Деций выдвигает на первый план восстановление почитания традиционных святых и культов. Над-

⁸ Wittig. Messius. Sp. 1284.

⁹ Ср.: Nicolet C. Il cittadino, il politico // *L'uomo romano*. Roma; Bari, 2003. P. 36-40.

¹⁰ Le Glay M. La religion romaine. Paris, 1997. P. 31-32.

¹¹ Pohlsonder H.A. The Religion Policy of Decius // ANRW. 1986. Bd. II, 16, 3. P. 1827-1829; Carrié J.-M., Roussell A. L'empire romain en mutation des Sévère à Constantin. Paris, 1999. P. 122.

писи прославляют Деция как восстановителя святинь¹². В некоторых случаях, как это было в этрусской Коэе, речь шла, действительно, о восстановлении храмов. В других же, по-видимому, это прославление выражало общий религиозный подъем, стимулируемый Децием. Так, по приказу императора (*iussu imperatoris*) жители Аквилеи восстановили статую Нептуна¹³. При этом император всячески подчеркивал почитание именно отеческих богов, как это видно, например, из его послания жителям Афродисиаса, в котором он призывал их отметить молитвами и жертвоприношениями его правление ради богини, имя которой носит город¹⁴. Некоторые исследователи полагают, что религиозная политика Деция была в некотором смысле аналогична гражданской политике Каракаллы: тот установил единое римское гражданство, а этот пытался создать единую имперскую религию¹⁵. Думается, что такое мнение едва ли соответствует действительности, ибо в конце 40-х гг. III в. время для таких попыток еще не дошло. Но то, что Деций сознательно ставил религию на службу своей власти, можно вполне принять.

Другим нарушением божьего мира было пренебрежением традиционными жертвоприношениями или даже полный отказ от них. Появились язычники, уклоняющиеся от принесения жертв¹⁶. И все же наибольшую опасность представляли христиане. Христианские общины распространялись почти по всей Империи, а Церковь начала приобретать общеимперскую структуру, явно не совпадающую с государством. И этот значительный пласт населения решительно отказывался поклоняться традиционным божествам и совершать главный обряд – жертвоприношение. Это, конечно, с точки зрения консервативных кругов римского общества, к каковым принадлежал и сам император, надо было пресечь. Принцепс как глава римского народа нес особую ответственность и перед народом, и перед богами за правильное и тщательное исполнение религиозных обязанностей. Благочестие (*pietas*), одна из основополагающих категорий в системе римских ценностей, являлось также

¹² Southern P. *The Roman Empire from Severus to Constantine*. L.; NY, 2004. P. 74; Ziolkowski A. *Storia di Roma*. Milano, 2000. P. 404. Польский историк отмечает, что этот титул был довольно редким.

¹³ Alföldy G. *Die Kriese des Römischen Reiches*. Stuttgart, 1989. S. 358.

¹⁴ Potter D.S. *The Roman Empire at Bay*. L., 2004. P. 243.

¹⁵ Rives J.B. *The Decree...* P. 153.

¹⁶ Ранович А.Б. *Первоисточники по истории раннего христианства*. М., 1990. С. 171.

основой и моральным оправданием императорской власти¹⁷. Пренебречь этим Деций, человек сам по себе весьма консервативный, естественно, не мог.

Существовала, как кажется, еще важная причина обращения Деция к восстановлению божьего мира. Предшественник Деция Филипп отличался религиозной терпимостью, в том числе и по отношению к христианству¹⁸. И это, по мнению Деция, могло оскорблять богов. В 248 г. Филипп торжественно отпраздновал тысячелетие Рима, подчеркивая этим празднеством свою приверженность римским традициям, вечность Рима, а заодно и свою принадлежность к романству, несмотря на арабское происхождение. Этому торжеству Деций противопоставил восстановление *raх deorum*. Это не только было выражением личной позиции императора, но и отвечало настроению довольно широких кругов римского общества, особенно сенаторской знати, в среде которой консервативные тенденции всегда были очень сильными¹⁹. Недаром позже Киприан написал специальный трактат для опровержения чрезвычайно распространенного среди язычников взгляда, что христиане, отвергающие поклонение римским богам, виновны во всех бедах Империи²⁰.

Не позже января 250 г., а, вероятно, еще в конце предыдущего года²¹, Деций издал специальный эдикт, предписывавший каждому жителю Империи публично в присутствии местных властей и специальной комиссии принести жертву и вкушать жертвенного мяса, после чего данный человек получал специальный документ (*libellus*), удостоверяющий этот акт. Виновные в отказе от жертвоприношений подвергались наказанию, которым могла быть даже смертная казнь²². Возможно, что было издано даже несколько эдиктов, каж-

¹⁷ Turcan R. *Le culte imperial au IIIe siècle* // ANRW. 1978. Bd. II, 16, 2. P. 1000, 1002; Alföldy G. *Die Kriese...* S. 356-357.

¹⁸ В некоторых христианских источниках представлена версия, что Филипп был первым императором-христианином. Мы сейчас не будем рассматривать эту версию. Скажем лишь, что существует слишком много доводов, ее опровергающих. Но терпимость Филиппа к христианству не подлежит сомнению. Не исключено, что этот император даже интересовался этой религией, столь распространенной на его родине.

¹⁹ Pohlsander H.A. *The Religion Policy...* P. 1838.

²⁰ Alföldy G. *Der Heilige Cyprian und die Krise des Römischen Reiches* // *Historia*. 1973. Bd. 22. S. 487-488.

²¹ Wittig. *Messius*. Sp. 1281.

²² Федосик В.А. *Киприан и античное христианство*. Минск, 1991. С. 99; Rives J.B. *The Decree...* P. 143-154.

дый из которых ужесточал положения предыдущего. Во всяком случае, Киприан (Ер. 55, 9, 2) пишет о «диких эдиктах» (*feralia edicta*) во множественном числе²³. Специально христиане, по-видимому, в эдикте (или эдиктах) не упоминались. Деций не ставил своей целью ни уничтожение христианства как религии, ни Церкви как организации. Недаром многие арестованные христиане даже могли принимать единоверцев, в том числе пресвитеров, или вести переписку²⁴. Не требовалось (в отличие от более поздних декретов) выдать священные книги. Единственно, что безусловно требовалось, так это совершить жертвоприношение и этим доказать свое уважение к традиционным богам. Многие образованные римляне искренне не понимали, почему нельзя в душе верить только в одного Христа, а публично совершить такую формальность, как жертвоприношение другим богам, особенно тем, кого почитает великий Рим. Позже префект Египта недоуменно спрашивал арестованных христиан, кто же мешает им чтить и своего Бога, и других богов, и не понимал, почему христиане отказываются это делать (Euseb. HE VII, 11, 9). Деций вполне мог относиться к таким людям. И если язычникам, которые ранее уклонялись от жертвоприношений, выполнить требования декрета было довольно просто, то для христиан это означало фактический отказ от основных постулатов их религии.

Единственное исключение, которое, вероятно, делалось в эдикте, относилось к иудеям. От них, как кажется, принесения жертв не требовалось. Во всяком случае, никаких следов принуждения иудеев к жертвоприношениям, как и никаких свидетельств их наказаний за отказ от принесения жертв, не обнаружено²⁵. И это понятно. Иудаизм при всем весьма неоднозначном к нему отношении со стороны римлян считался традиционной религией, тесно связанной с определенным этносом. А Деций выдвинул требование почитание именно традиционных верований и культов. В отличие от него христианство было религией новой, не унаследованной от отцов и дедов, и к тому же надэтничной²⁶. Поэтому для них никаких исключений делаться не могло.

²³ Alföldy A. Studien zur Geschichte der Weltkrise des 3. Jahrhunderts nach Christus. Dsrnstadt, 1967. S. 286.

²⁴ Pohlsander H.A. The Religion Policy... P. 1840.

²⁵ Safray Sh. Das Zeitalter der Mischna und des Talmuds (70-640) // Geschichte des jüdischen Volkes. München, 1981. S. 421.

²⁶ Vittinghoff F. "Christianus sum" – Das "Verbrechen" von Außenseitern der römischen Gesellschaft // Historia. 1984. Bd. 33. S. 353-354.

Неясно, задевал ли эдикт Деция манихеев. Уже около 240 г. манихеи появились в Александрии, а в 250 г. там уже, по-видимому, существовала их община²⁷. Эта религия была такой же, а, может быть, еще более новой, как христианство. Манихейство было опасно еще и тем, что оно шло из Ирана, и манихеи могли рассматриваться как «пятая колонна» персидского царя. Много позже Диоклециан свои религиозные преследования начал именно с манихейства. Поэтому едва ли для манихеев было сделано такое же исключение, как для иудеев. То ли манихеи спокойно приносили жертвы, то ли просто не сохранилось никаких сведений об их преследованиях при Деции. Что же касается преследования христиан, то мы имеем и некоторые *libelli*, и сообщения современников – Дионисия Александрийского (воспроизведенные Евсевием в его «Церковной истории») и Киприана Карфагенского.

Сразу же после издания эдикта началось первое общеимперское гонение на христиан²⁸. Оно оказалось тем более страшным, что было в большой степени неожиданным²⁹: Филипп относился к ним терпимо, и сами они ни против Филиппа, ни против Деция не выступали. Да и вообще в течение долгих лет христиане жили в условиях относительного мира, который, правда, иногда прерывался кратковременными вспышками насилия или одновременными актами римских властей³⁰. Христианские проповедники и писатели, со своей стороны, всегда подчеркивали абсолютную лояльность христиан к Империи и императорам. Однако понимание лояльности у них, и в тех кругах, которых представлял Деций, было разное. Христиане понимали под лояльностью неучастие ни в каких мятежах и полное подчинение властям (и даже молитвы за власти, особенно за правящего императора) при сохранении в неприкосновенности своей веры, запрещающей поклоняться языческим богам и приносить им какие-либо жертвы. Для консервативных кругов римского общества и выражающего их взгляды и настроения Деция лояльность к Империи не могла не включать уча-

²⁷ Хосроев А.Л. История манихейства (Prolegomena). СПб, 2007. С. 217.

²⁸ Свенцицкая И.С. От общины к церкви. М., 1985. С. 209; Pohlsander H.A. The Religion Policy... P. 1831. О репрессиях в отношении христиан известно из самых разных провинций Империи – от Палестины до галльских провинций (Федосик В.А. Киприан... С. 104).

²⁹ Ziolkowski A. Storia di Roma. P. 422.

³⁰ Keresztes P. The Emperor Maximinus' Decree of 235 AD // Latomus. 1969. T. 28,3. P. 601-604.

стие в традиционной религиозной жизни, в том числе, естественно, и в жертвоприношениях³¹. Контраст между положением христиан и их общин при Филиппе и при Деции был столь велик, что некоторые христиане восприняли императора как предвестника прихода антихриста (*metator antichristi*) (Сурр. Ер. 22, 1, 1), а с ним и наступления конца света (Сурр. Ер. 30, 5, 4; 31, 1, 1; 6, 2)³².

На христиан обрушились репрессии. Многие христиане не выдерживали гонения и выполняли требования. Но появилось и значительное число мучеников, предпочитавших смерть, порой очень мучительную, отказу от своей веры. Некоторые епископы, как Киприан Карфагенский или Дионисий Александрийский, бежали и руководили своей паствой из укрытий. Другие, как римский епископ Фабиан или иерусалимский епископ Александр, выбрали смерть (Euseb. HE VI, 39, 1-3). Пик репрессий, как кажется, падает на июнь-июль 250 г.³³

Только мерами в религиозной сфере Деций не ограничился. Очень важным актом было принятие им имени Траяна. Траян представлялся идеальным императором, лучшим принцепсом, осуществлявшим власть в полном согласии с сенатом и в полной мере уважающим его свободу. Сравнительно недавно Гордиан претендовал на происхождение по материнской линии от этого императора (SHA Gord. 2, 2). И эта попытка связать происхождение Гордиана с любимым сенаторами императором, показывает вектор политической мысли и действия, senatorских кругов. Претендовать даже на косвенное происхождение от этого популярного государя Деций, конечно, не мог. И он пошел по другому пути, пример которому показал Септимий Север, когда он принял имя Пертинакса³⁴. Для Септимия Севера принятие этого имени, как и более позднее посмертное включение себя и своей семьи в дом Антонинов, выражало, кроме своеобразной легитимации своей власти, еще и ясную претензию на продолжение политики Пертинакса и Марка Аврелия³⁵. По существу то же самое сделал и Деций, только он избрал для этого более отдаленную во времени и более популярную фигуру – Траяна. Он явно демонстрировал свою программу – возвращение к принципам правления «лучшего принцепса», обеспечивая этим себе широкую поддержку в Риме, особенно в сена-

³¹ Pohlsander H.A. The Religion Policy... P. 1837.

³² Alföldy G. Der Heilige Cyprian... S. 484-485.

³³ Alföldy A. Studien... S. 286; Федосик В. А. Киприан... С. 95.

³⁴ Wittig. Messus. Sp. 1247.

³⁵ Potter D.S. The Roman Empire... P. 109-110.

те³⁶. К тому же, Траян был последним великим завоевателем в римской истории. Принимая его имя, Деций ясно намекал на восстановление блеска римского имени, весьма поблекшего в ходе неудач последнего времени. Наконец, как и Деций, Траян был провинциалом, первым провинциалом на римском троне. И принял это имя Деций практически сразу после прибытия в столицу³⁷.

Вслед за этим Деций пошел еще дальше. Он выпустил серию монет с изображениями и именами *divi*, включающую Августа, Веспасиана, Тита, Нерву, Траяна, Адриана, Марка Аврелия, Люция Вера, Коммода, Септимия Севера и Александра Севера³⁸. Деций, таким образом, включает себя в общий ряд императоров, представляя свое правление как логичное продолжение истории вечного Рима. Этот список в значительной степени совпадает с перечнем лучших (*optimi*) императоров в биографии Аврелиана (SHA Aug. 42, 4); в последнем нет только Коммода (не говоря, естественно, о Клавдии II и Аврелиане). Эта серия, однако, включает не всех обожествленных императоров. Известно, что обожествлены были Клавдий, Пертинакс, все три Гордиана, а, по словам Евтропия (IX, 3), и оба Филиппа. Но эти императоры не нашли места на монетах Деция. И это очень интересно. Деций помещает на своих монетах всех обожествленных Флавиев и Антонинов, включая ненавистного сенаторам Коммода, но из Юлиев-Клавдиев опускает Клавдия. В свое время отношение большинства сенаторов к Клавдию выразилось в язвительном «Отыквлении Клавдия», приписываемого Сенеке, и, вероятно, такое отношение закрепилось в просенаторской историографии вплоть до времени Деция и даже Диоклециана. Не совсем понятно опущение Пертинакса, который, кстати, не упомянут и в биографии Аврелиана. Это могло быть связано и с кратковременностью его правления (Деций не хотел допускать даже намека на кратковременность и своего правления), и с тем, что Пертинакс был, вероятно, замешан в

³⁶ Dietz K. *Senatus...* S. 244.

³⁷ Wittig. *Messius*. Sp. 1247. Еще до своего провозглашения императором Деций воевал на Балканах. И хотя его кампания была не особенно удачной, он вполне мог представить свои действия как великую победу, сравнимую с завоеванием Дакии Траяном, что тоже могло послужить поводом к принятию имени (*Drinkwater J. Maximinus to Diocletian and "crisis"* // *CAH*. 2005. Vol. XII. P. 38).

³⁸ Potter D.S. *The Roman Empire...* P. 244; *CAH*. 1939. Plates. Vol. V. P. 236-237.

заговоре, приведшем к убийству Коммода (SHA Pert. 4, 4)³⁹. Что касается Гордианов, то Деций явно не желал прощать им свою опалу⁴⁰. Вопрос об обожествлении Филиппов спорен. Во всяком случае, всем было ясно, что Деций пришел к власти в результате их свержения и убийства, и одно это уже не давало возможности почтить их на его монетах. А, может быть, новый император вообще хотел вычеркнуть из памяти римлян бурные события, происшедшие после убийства Александра Севера, и свое правление непосредственно присоединить к более, как тогда казалось, спокойным временам. Возможен еще один вариант. Монеты прославляли память одиннадцати *divi*, и не исключено, что Деций надеялся в будущем стать двенадцатым⁴¹. Во всяком случае, эти монеты ясно показывают стремление Деция легализовать свою власть в более широком контексте истории Римской империи, и притом в связи с правлениями лучших принцепсов, укрепить свой имидж нормального преемника великих императоров⁴².

Однако обращает нас себя внимание тот факт, что все эти монеты были выпущены не в Риме, а в Медиолане, и предназначались они для выплаты солдатам⁴³. Это означает, что пропаганда доблестных предшественников была направлена не столько на граждан, сколько на армию. Видимо, после ряда военных неудач Деций стремился поднять дух воинов напоминанием о великих свершениях, сделанных при божественных предшественниках.

При всей важности проведения в жизнь религиозно-идеологической программы она одна не могла обеспечить выход из тупика. Сначала Деций, стремясь упрочить свою власть и создать новую династию, пошел по старому пути. У него было двое сыновей, и старшего Геренния Этруска он во второй половине 250 г. сделал цезарем и даровал ему трибунскую власть. Может быть, тогда же цезарем стал и его второй сын – Гостилиан. Позже Деций сделал Геренния Этруска и августом, хотя и не разделил с ним верховный понтификат (ILS

³⁹ Об участии Пертинакса в заговоре против Коммода: Birley A. *Septimius Severus*. L.; NY, 2002. P. 84.

⁴⁰ Об этой опале см. ниже.

⁴¹ Pohlsonder H.A. *The Religion Policy*. . . P. 1830. Двенадцать было одним из священных чисел; ведь и олимпийских богов было тоже двенадцать.

⁴² Drinkwater J. *From Maximinus*. . . P. 39; Carrié J.-M., Roussel A. *L'empire romain*. . . P. 110.

⁴³ Turcan R. *Le culte imperial au IIIe siècle // ANRW*. 1978. Bd. II, 16, 2. P. 1009-1010. Подобные монеты выпускались и на Балканах (*ibid.*).

515-518)⁴⁴. Жена Деция Геренния Купрессения Этрусцилла получила все обычные для того времени титулы императрицы, включая титул «матери лагерей» (ILS 521). Все это шло в русле обычных действий императоров III в. Однако положение оказалось столь сложным, что Деций попытался сделать весьма нетривиальный шаг.

Толчком к этому шагу, видимо, послужили попытки узурпаций, с которыми пришлось столкнуться Децию. Во время очередного готского вторжения на Балканы наместник Македонии Приск после захвата готами Филиппополя, который он до этого неудачно защищал, сам перешел на сторону варваров и были ими провозглашен императором (Iord. Get. 103). Сам Деций в это время во главе армии находился на Балканах, и, воспользовавшись его уходом из столицы, власть в Риме попытался захватить Юлий Валент Лицининан (Aug. Vict. Caes. 29, 2-3; Epit. 29, 5). Выступление Валента было особенно опасным. Его активно поддержала толпа (*cupientissimo vulgo*). На какое-то время Валент, как кажется, сумел реально захватить власть. Аврелий Виктор пишет, что он *imperium capit*, а эпитоматор сообщает, что Валент *imperator effectus est*. Киприан (ep. 55, 9, 1) упоминает о соперничающем принце (aemulus princeps), который выступил против тирана, т. е. Деция. В этом сопернике надо видеть Валента⁴⁵. Христианский автор связывает два события: узурпация Валента и избрание римским епископом Корнелия. А т. к. Корнелий был избран в начале марта 251 г.⁴⁶, то и выступление Валента надо, по-видимому, отнести приблизительно к этому же времени⁴⁷. Характерно, что, по словам Аврелия Виктора, знать (*nobilitas*), т. е. явно сенат, Приска объявила врагом отечества. Но ничего такого не было сделано в отношении Валента. Это может говорить о том, что не только толпа, но и, по крайней мере, часть сенаторской знати поддержала узурпатора. Это не могло не напомнить Децию ситуацию 238 г., когда толпа при подстрекательстве части сенаторов заставила сделать цезарем Гордиана III. Оба узурпатора были уничтожены быстро (*mox*). Вероятно, Деций все-таки располагал в Риме какой-то силой, которая и в его отсутствие сумела справиться с выступлением Валента. Приск тоже был убит; во всяком случае, когда в следующем году война на Балканах возобновилась, о Приске речи уже не было. Обе узурпации

⁴⁴ Wittig. Messius. Sp. 1263-1264; Hanslik R. Decius // Kleine Pauly. 1979. Bd. 1. Sp. 1411-1412.

⁴⁵ Wittig. Messius. Sp. 1272; Alföldy G. Der Heilige Cyprian... S. 492, Bem. 68.

⁴⁶ Duquenne L. Chronologie des lettres de S. Cyprien. Bruxelles, 1972. P. 29.

⁴⁷ Wittig. Messius. Sp. 1272.

не удались. Однако они были чрезвычайно опасны. Узурпация Прииска была опасна его союзом с варварами: она показала, что не только он, но и возможный другой будущий узурпатор может использовать внешнюю силу для захвата власти. Мятеж Валента показал ненадежность самой столицы и, видимо, части сенаторской знати.

Последнее обстоятельство должно было особенно обеспокоить Деция. Он сам был сенатором, но занимал в нем несколько особое положение. Он происходил из района Сирмия и был первым, насколько пока известно, императором, происходившим из Иллирии⁴⁸. В 238 г. Деций недвусмысленно встал на сторону Максимиана, противопоставив себя, таким образом, большинству сената. Он не только отказался признать Максимиана и его сына «врагами народа», но и принял активные меры для подготовки обороны своей провинции против возможного нападения сенатских сил⁴⁹. После поражения Максимиана он, естественно, попал в опалу и был смещен со своего поста легата Тарраконской Испании. На политическую сцену он вернулся, скорее всего, после смерти Гордиана⁵⁰, может быть, в результате амнистии, проведенной Филиппом. Более того, Филипп назначил его префектом Рима⁵¹, что было знаком императорского доверия и демонстрацией желания объединения всех сил общества независимо от прошлых позиций. Однако и после этого Деций занимал в сенате несколько особую позицию. Зосим (I, 21, 1) рассказывает, что когда Филипп, взволнованный и испуганный очередным армейским мятежом, обратился к сенату за поддержкой, сенаторы предпочли промолчать, и только Деций поднялся и выразил императору свою полную поддержку. Правда несколько позже он сам выступил против Филиппа и сверг его, но в тот момент он снова, как в 238 г., противопоставил себя сенатскому большинству. И несомненная поддержка части, по крайней мере, сенаторов Валента заставила Деция искать пути привлечения всего сената на свою сторону. И лучшей кандидатуры, чем Валериан, пожалуй, не было.

П. Лициний Валериан происходил из знатного рода. Род Лициниев был довольно древним, а сам Валериан породнился с еще

⁴⁸ Wittig. *Messius. Sp.* 1251-1252; Dietz K. *Senatus...* S. 190; Rives J.B. *The Decree of Decius and the Religion of Empire* // *JRS.* 1999. Vol. 89. P. 139-139.

⁴⁹ Alföldy G. *Römische Heeresgeschichte. Beiträge* 1962-1985. Amsterdam, 1987. S. 453-455.

⁵⁰ Alföldy G. *Heeresgeschichte... Beiträge.* S. 461.

⁵¹ Wittig. *Messius. Sp.* 1252; Dietz K. *Senatus...* S. 190.

более в то время влиятельным родом Эгнациев⁵². Подробности его карьеры неизвестны, но ясно, что он занимал и гражданские, и военные посты, в том числе был консулом-суффектом⁵³. В 238 г. Валериан, бывший тогда квестором Гордиана, был им послан из Африки в Рим с сообщением о своем провозглашении императором, и он сыграл значительную роль в событиях этого года, по крайней мере, в их начале⁵⁴. При Деции карьера Валериана пошла вверх. События 238 г., казалось бы, должны были развести Деция и Валериана. Но этого не произошло. В правление Деция Валериан был, очень вероятно, принцепсом сената (SHA Val. 5, 4). Такая кандидатура вполне должна была обеспечить Децию лояльность сената, в том числе и во время его отсутствия, и вообще в столь трудный момент, когда император оказался перед столькими опасностями.

Автор биографии Валериана рассказывает, что сенат в 251 г. в ответ на послание Деция единогласно постановил сделать Валериана цензором. Но когда Деций на основании этого сенатусконсульта предложил ему этот пост, тот решительно отказался, заявив, что только августы (т. е. Деций и его сын) должны заниматься всеми делами (SHA Val. 5, 4-6, 9). Из речи Деция, обращенной к Валериану, видно, что под цензурой подразумевалось ведение практически всех гражданских дел, включая контроль за сенаторами и всадниками, руководство финансовыми вопросами, назначение чиновников, кроме префекта Рима и ординарных консулов, снабжение армии оружием и даже общее суждение о положении в государстве, т. е. по существу почти вся гражданская сфера императорской власти. В случае принятия Валерианом этого предложения он на деле становился соправителем Деция⁵⁵. Вся история с посланием Деция, решением сената и отказом Валериана обычно считается новеллой, не имевшей отношения к реальности⁵⁶. Однако такой поступок полностью вписывается в общее консервативное направление политики Деция⁵⁷. Кроме

⁵² Bats M., Benoist S., Lefebvre S. Bats M., Benoist S., Lefebvre S. *L'empire romain au IIIe siècle*. Paris, 1997. P. 81.

⁵³ Wickert L. Licinius // RE. 1926. Hbd. 25. Sp. 488; Wirth G. Valerianus // Kleine Pauly. 1975. Bd. 5. Sp. 1098.

⁵⁴ Dietz K. Senatus... S. 177-180.

⁵⁵ Wickert L. Licinius // RE. 1926. Hbd. 25. Sp. 489.

⁵⁶ Ibid. Доводом против реальности этого рассказа является то, что преемник Деция Требониан Галл в случае его действительности не был бы спокоен в отношении Валериана и не оказывал бы ему доверия. Но надо иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, Требониан, как об этом

того, имеется еще сообщение Зонары (XII, 20), что Деций поручил Валериану руководство делами (*διοίκησις τῶν πραγμάτων*). Что это за τὰ πράγματα, из краткой заметки Зонары неясно. Предполагают, что выражение *διοίκησις* указывает, прежде всего, на финансовую реформу⁵⁸. Однако это слово имеет и более широкое значение. Например, Зосим (I, 60, 1) пишет, что Аврелиан после победы над Пальмирой поручил префекту Месопотамии Марцеллину административную (*διοίκησιν*) всего Востока. В некоторой степени полномочия, предлагаемые Валериану в рассказе «Требеллия Поллиона», можно сопоставить с τὰ πράγματα, о которых пишет Зонара. Видимо, *διοίκησις τῶν πραγμάτων* и было руководство всей гражданской сферой власти. Деций мог, действительно, попытаться создать пост своего «заместителя по гражданским делам», который действовал бы в согласии с сенатом. Совсем не исключено, что новая должность фактического заместителя императора должна была принять форму древней цензуры⁵⁹.

Идея, что император должен сосредоточиться на военных проблемах, предоставление решение гражданских дел сенату, явно существовала в это время. Через два года после гибели Деция Эмилиан, провозглашенный императором, написал сенату, что он будет сказано позже, всячески демонстрировал свое уважение к Децию, который был обожествлен (Eutrop. IX, 4). В этих условиях отказ в доверии доверенному лицу своего предшественника выглядел бы ясным знаком лицемерия нового императора. Во-вторых, Валериан отказался от предлагаемых полномочий, основываясь на нераздельности власти августа, и это могло быть вполне адекватно расценено Требонианом. Так что отказывать рассказу о несостоявшемся цензуре Валериана лишь на этом основании нельзя. Другие исследователи полагают, что, хотя сообщение о предложении Деция и отказе Валериана – фикция, в нем все же содержится информация о реальном соотношении должностей в то время: Johne K.-P. *Kaisergeschichte und Senataristokratie*. Berlin, 1976. S. 132.

⁵⁷ Ср.: Pohlsander. *The Religion Policy...* P. 1830.

⁵⁸ Wittig. *Messius*. Sp. 1278.

⁵⁹ Ковалев С.И. *История Рима*. Л., 1986. С. 638; Bats M., Benoist S., Lefebvre .S. *L'empire romain...* Paris, 1997. P. 81. Французские авторы приводят мнение А. Шастаньоля, статья которого на эту тему мне, к сожалению, не доступна. Еще раньше некоторые исследователи, отвергая реальность рассказа в биографии Валериана и не веря в возможность восстановления цензуры, однако, признавали наличие исторического зерна во всей этой истории: напр., Wittig. *Messius*. Sp. 1278. П. Соутхерн также считает, что речь могла идти о занятии Валерианом поста «заместителя императора по гражданским делам»: Sothorn P. *The Roman Empire...* P. 75.

предоставляет сенаторам управление (*βασιλείαν*), а сам будет только их полководцем (*στρατηγὸς αὐτῶν*) (FHG IV. Anon. fr. 2; Zon. XII, 22). К сожалению, мы имеем только греческий текст, так что какие выражения имелись в латинском оригинале, неизвестно. Греческие же авторы употребляют слово *βασιλεία*, как обычно в их время обозначалась императорская власть. При всей, может быть, демагогичности этого послания, его содержание явно напоминает попытку Деция разделить военную и гражданскую власть. Насколько серьезно Эмилиан предполагал это сделать, мы не знаем. Однако само по себе такое послание показывает, что идея разделения верховной власти существовала, и она явно была дорога сенату.

Чем в таком случае вызван отказ Валериана, неясно. Вполне возможно, что он понимал двусмысленность положения, в каком он оказался бы в случае действительного своего назначения на этот пост, ибо при наличии полномочий у него не было бы реальных рычагов власти. К тому же, официальным представителем императора в Риме был оставлен его младший сын Гостилиан, при котором находилась его мать Геренния Этрусцилла в качестве августы⁶⁰, и как бы сложились отношения между императрицей и «гражданским императором» никто, в том числе и сам Валериан, предсказать не мог.

Возможно, что восстановление в новом виде древней цензуры рассматривалось Децием в качестве первого шага в серии реформ⁶¹. Но отказ Валериана стал в этом деле значительным препятствием. Еще важнее была необходимость все силы и все внимание сконцентрировать на борьбе с готами. В этих условиях все другое отходило на второй план. Как говорит Киприан (*De lapsis* 1), уже вторжение готов вынудило Деция фактически прекратить исполнение своего эдикта, требующего обязательных жертвоприношений (*Cypr. De lapsis* 1)⁶². Уже вскоре после Пасхи, которая в 251 г. приходилась на 23 марта, Киприан смог вернуться в Карфаген, а в конце марта или в апреле того же года в этом городе собрался собор африканских епископов⁶³. Таким образом, Деций потерпел явную неудачу и в религиозной, и в административной

⁶⁰ Alföldy A. Studien... S. 344.

⁶¹ Ковалев С.И. Ук. соч. С. 638.

⁶² Как отмечает Г. Альфöldи, это сочинение было написано еще до поражения римлян при Абитте и поэтому ясно говорит о прекращении гонения еще при жизни Деция: Alföldy G. Der Heilige Cyprian... S. 497-498.

⁶³ Duquenne L. Chronologie... P. 29-32.

сферах. Может быть, император намеревался вернуться и к административным реформам, и к восстановлению *pacis deorum* после решения готской проблемы. Но судьба распорядилась иначе. В июне 251 г. в ожесточенной двухдневной битве у Абритта во Фракии Деций погиб (Eutrop. IX, 4; Aur. Vict. 29, 4-5; Epit. 29, 3; Amm. Marc. XXXI, 5, 16; Zos. I, 23, 2-3; Iord. Get. 103; FHG III. Dex. Fr. 16; Zon. XII, 20).

Правление Деция было очень кратковременным – всего два года и даже несколько меньше. Став императором, Деций стремился возродить былую мощь Рима возвращением к традициям. Создается впечатление, что в своей деятельности он следовал (или пытался следовать) целостной программе, включающей различные мероприятия, направленные на возрождение, насколько он считал возможным, *mos maiorum*. Некоторые элементы этой программы, скорее всего, возникли в его голове еще до прихода к власти. К другим он пришел в силу сложившихся обстоятельств. Не упуская цели укрепления своей власти и увековечения по возможности своей династии, он в других отношениях пытался вернуть атмосферу «доброе старое время», исправить несправедливости как по отношению к богам, так и к людям и государству. В религиозном плане это было восстановление нарушенного «божьего мира», возрождение почитания отеческих богов. В идеологическом – присоединение к традиции великих императоров, прославивших, по мнению Деция и его сторонников, Римскую империю, и косвенно включение себя в этот ряд. В административном плане – попытка создания некоего гражданского института (может быть, в виде старинной цензуры), который бы существовал наряду с императорской властью и обеспечивал связь императора с сенатом и обществом. Эти попытки, однако, рухнули, и рухнули они не только из-за кратковременности правления или, тем более, какого-либо сопротивления, но и из-за полного несоответствия времени. Эти меры оказались столь же утопичными, как и попытка сената в 238 г. вернуть себе почти полную власть. Никакого возвращения к старому уже не могло быть.

